

— Хорошо, — Бай Муюнь еще несколько секунд пристально смотрел на Лу Яня, затем отвел взгляд и сделал глубокий вдох. — Тогда скажи: зачем ты мне врал?

Ответа не последовало.

— Говори.

— Это моя вина, — после долгого молчания выдавил Лу Янь.

— Мне не нужны твои признания в ошибках! Я хочу знать — по-че-му!

— А-Юнь... когда ты снова меня полюбишь, я расскажу всё. Честно, до последнего слова.

— А ты этого достоин, Лу Янь? — Бай Муюнь процедил слова сквозь зубы. — Ты вообще стоишь того, чтобы я полюбил тебя во второй раз?

Лу Янь побледнел. Он до боли сжал пальцами подол своего пальто, комкая ткань.

— Я знаю, — голос его дрогнул. — Прошло двенадцать лет. Если бы я не появился снова, ты бы, наверное, уже окончательно вычеркнул меня из памяти... перестал бы любить.

Лу Янь поднял взгляд — решительный и отчаянный.

— Поэтому я собираюсь завоевать тебя заново. Давай начнем всё сначала? Прямо сейчас. Пусть это будет наше первое знакомство: тридцатилетний режиссер Лу Янь и двадцатидевятилетний актер Бай Муюнь.

— Не выйдет, — отрезал Бай Муюнь. Он оставался холодным, как лед. — Я не робот. Прошрое нельзя просто стереть по нажатию кнопки. «Начать сначала» — так это не работает. Я не дурак, чтобы бегать за тобой, как верный пес, каждый раз, когда тебе вздумается позвать меня обратно.

— Не хочешь говорить? Пожалуйста. У тебя могут быть свои «веские причины», но и у меня есть право — тебя не прощать.

— А-Юнь...

— Выйди из машины.

— Нет.

Бай Муюнь резко распахнул дверцу, вышел и с такой силой захлопнул её, что звук удара эхом разнесся по ночной тишине. Лу Янь вздрогнул.

Он тут же выскочил следом, обогнул капот и подошел к Бай Муюню. Тот уже закурил, чиркая зажигалкой; огонек на мгновение высветил его резкие черты. Лу Янь не решился заговорить — просто стоял рядом, привалившись к машине и опустив голову.

Было уже совсем поздно. Единственным источником света был фонарь у дома Чу Лианя, а вокруг — лишь густая тьма и свист ветра в ветвях деревьев. Бай Муюнь сделал глубокую затяжку. Дым, который он выдохнул, на миг скрыл его лицо.

— Лу Янь, — негромко произнес он, — скажи, я похож на верного пса?

— Нет, конечно нет, — быстро покачал головой Лу Янь.

Бай Муюнь горько усмехнулся.

— А вот Чу Цзяньцин считает, что похож. И я, пожалуй, с ним согласен.

«Иначе почему я никак не могу тебя забыть?

Почему сердце предательски екнуло, когда ты сказал, что любишь только меня?

Почему в глубине души вспыхнула эта жалкая, постыдная радость, когда я слышал, что ты собираешься меня возвращать?

И почему после землетрясения, когда смерть была так близко, я сделал то, что любому другому показалось бы безумием?»

— Это не так, — упрямо повторил Лу Янь.

— Тогда почему ты молчишь о прошлом?

— То, что было раньше, уже не имеет значения. Давай смотреть в будущее, а?

— Не хочу. На сегодня — хватит.

— Пять лет...

— Что?

Бай Муюнь поднял голову. В слабом свете фонаря он увидел лицо Лу Яня. У того от холода покраснели кончики ушей и нос, глаза повлажнели. Он выглядел донельзя жалко — в этом взгляде смешались мольба, упрямство и готовность поставить на кон всё.

— Пять лет, десять, двадцать, тридцать... Пока рядом с тобой никого нет, я буду идти за тобой. Буду ждать, буду рядом. Пока ты снова не полюбишь меня. Пока не ответишь «да».

Бай Муюнь никогда не видел Лу Яня таким. Он и представить не мог, что этот человек — всегда такой гордый — будет стоять перед ним, униженно выпрашивая шанс. Если бы на его месте был кто-то другой, Муюнь, возможно, возненавидел бы его за эту слабость. Но сейчас в горле встал ком.

— Поздно уже. Иди к себе, — Бай Муюнь отвел взгляд, не в силах больше на это смотреть.

— А наше сотрудничество?.. — осторожно, почти шепотом спросил Лу Янь.

— Я не нарушаю контрактов.

Лу Янь облегченно выдохнул и слабо, почти по-детски улыбнулся.

— Хорошо. Тогда... поезжай осторожно. Спокойной ночи.

Бай Муюнь сел в машину и развернулся. В зеркале заднего вида он еще долго видел тонкую, прямую фигуру, застывшую на обочине. Лу Янь провожал его взглядом до тех пор, пока огни фар не растворились в темноте.

Войдя в гостиную своей виллы, Бай Муюнь едва не подпрыгнул от неожиданности. На диване, в полной темноте, сидел Чу Цзяньцин. Единственный свет проникал из окна, едва обрисовывая его силуэт. Услышав шаги, Чу медленно повернул голову, посмотрел на друга тяжелым, отсутствующим взглядом и снова уставился в пространство.

Муюнь не стал включать свет. Он скинул туфли, бросил куртку на кресло и сел рядом. Минуту они сидели в тишине, пока Цзяньцин не прохрипел:

— Курить есть?

Бай достал из ящика стола пачку и зажигалку. Вскоре по темной гостиной поплыли сизые клубы дыма. Часы показывали два часа ночи.

— Я расстался, — внезапно выдал Чу Цзяньцин.

Бай Муюнь покосился на него. Еще днем этот человек хвастался в телефоне: «Кто-то увидел нас в трендах и приревновал! О, ты, одинокий пес, хоть знаешь, что такое ревность?»

— Блять, — Чу яростно затаился.

— И что случилось?

— Я думал, он нежный щенок, а оказался — волкодав хренов. Сука... Все вы, мужики, — козлы!

Видать, Цзяньцин был вне себя от ярости, раз забыл, что сам принадлежит к тому же полу. Он закрыл лицо руками и неловко шевельнулся, тут же шикнув от боли:

— Твою мать...

Бай Муюнь промолчал, но про себя подумал: «Ничего себе у вас темпы».

— Он меня трахнул, а я его избил. До крови. В общем, разошлись как в море корабли, — голос Чу звучал подавленно. Он тяжело вздохнул. — Не насмерть, не переживай.

«Даже не знаю, за кого из вас переживать...» — мелькнуло в голове у Бая.

— А у тебя что? — спросил Чу.

— Лу Янь сказал, что будет меня завоевывать.

— Пиздец. Ты сейчас хвастаешься, что ли?

Для человека, чья личная жизнь только что потерпела крушение, это действительно звучало как издевка.

— И что дальше?

— Между нами пропасть, Чу. Слишком много проблем. Я не могу просто забыть всё, что он натворил, а он по-прежнему отказывается объяснять, почему лгал.

— Ну, раз он решил бегать за тобой — флаг ему в руки. Ты не обязан соглашаться.

— Знаю, — Бай Муюнь горько усмехнулся.

— Но ведь тебе не всё равно, верно, верный ты мой пес?

—...

— Ты ведь до сих пор любишь его. Столько лет прошло, за тобой толпы бегали, а ты даже не смотрел ни на кого. Потому что этот твой «незабвенный идеал» всегда был в твоём сердце. Но и обида там же. Сидит, как заноза. И даже если вы сойдётесь, она будет колоть. Будет больно и страшно. Так?

— Да.

— Твою ж напravo... Как у вас, людей, всё сложно с этой любовью.

Чу Цзяньцин закурил вторую. Мысль о том, что его собственная ситуация с Чу Лианем ничуть не проще, приводила его в бешенство. Бай Муюнь молча курил, снова и снова прокручивая в голове тот жалкий вид Лу Яня. Сердце ныло.

«Блять, не хочешь рассказывать сам — я сам всё разузнаю. А когда узнаю... вот тогда и попляшешь у меня», — зло подумал Бай.

Три часа ночи.

— Ну и что? — подал голос Чу. — Так и будем до рассвета сидеть?

— Ты как сам? — спросил Бай.

— Жить буду.

— Тебе лекарство купить?

— Блять, Муюнь, избавь меня от подробностей! Обойдусь!

— И всё-таки, что у вас там с Ань-Анем произошло? Он не из тех, кто может принудить.

Чу Цзяньцин раздраженно взъерошил волосы.

— Считаю, что мне не повезло! Я... короче, случайно его опоил. Твою мать, там всё очень запутано!

—... Понятно. И что теперь?

— Роли не совпали. Мы оба «сверху», так что ловить нечего. Разбежались. Следующий будет покладистей.

— А ты как определил-то? Ты же раньше ни с кем...

— Да бля! Еще в школе девчонки за мной пачками бегали! В универе я бы точно того младшекурсника приходовал, если бы не случайность. Как тут можно сомневаться, что я актив?

—... Ну-ну. Фанаты, когда нас шипперят, почему-то всегда тебя «снизу» ставят.

Цзяньцин вскинулся, готовый разразиться гневной тирадой, но Бай его опередил:

— Я же говорил тебе: займись спортом. Послушал бы меня — сейчас бы не лежал пластом.

— Ха! Ань-Ань только с виду доходяга, а там — восемь кубиков пресса, прикинь?! И он выше меня! Каким спортом мне надо заниматься, чтобы его перебороть? У меня на это времени нет!

— Ну конечно. На спорт времени нет, а на компьютерные игры — завались, — кивнул Бай.

В него тут же полетела диванная подушка.

— Ты бы за собой следил лучше, чем меня учить! Думай, что с Лу Янем делать будешь!

— Я уже всё решил, не утруждайся. Ты лучше подумай, как завтра в агентство покажешься.

Бай Муюнь встал, швырнул подушку обратно и направился к лестнице. Чу Цзяньцин, морщась от боли, сменил позу и включил телефон, который до этого был вырублен. Экран тут же взорвался десятками уведомлений: пропущенные вызовы, сообщения в WeChat, SMS.

Последнее сообщение гласило: «Ты спишь?»

Чуть выше, отправлено в час ночи: «Я стою у твоего дома».

«Дурак».

И тут же пришло новое: «Жду тебя у ворот».

— Твою мать! Три часа ночи, он там что, привидением подрабатывает?! Не боится, что охрана его шокером приложит?

— Бай Муюнь! — заорал Чу на весь дом.

Бай, уже собиравшийся в душ, высунулся в коридор:

— Чего тебе?

— Твой драгоценный шиди сейчас подпирает твои ворота. Выйди и прогони его нахер!

Бай Муюнь быстро сбежал вниз, на ходу накидывая куртку.

— Что он там делает?

— А я почему знаю! Выставь его оттуда!

У ворот Бай действительно увидел две фигуры, сидевшие на корточках прямо на асфальте. Да, две: Чу Лиань и Лу Янь.

— Три часа ночи. Вы двое что здесь устроили?

Услышав голос, оба мгновенно вскочили и вытянулись в струнку, точь-в-точь как школьники, пойманные за курением за гаражами.

— Говорите, — Бай Муюнь кивнул им.

— Я... я хотел подождать Чу-гэ. Боялся, что он сбежит завтра, — Чу Лиань, рослый парень, сейчас выглядел как побитый щенок: голову опустил, вид виноватый и глубоко несчастный.

— Кхм, — подал голос Лу Янь. — А я пришел его уговорить уйти домой.

Бай Муюнь только вздохнул.

— Шиди, как он у тебя сбежит? Мы в одном городе живем. На улице мороз, если ты тут просидишь до утра и свалишься с лихорадкой, кто за ним бегать будет? Сил-то не останется.

— Вот именно, — поддакнул Лу Янь тоном опытного наставника. — К завоеванию нужно подходить с планом, а не измором брать. Сейчас господин Чу в ярости, твои страдания его только разозлят.

— О? Поглядите-ка, режиссер Лу у нас, оказывается, большой знаток в этих делах.

— Ну... опыт имеется, — Лу Янь улыбнулся и выразительно взглянул на Бая. Холодный воздух попал в горло, и он зашелся в кашле, зябко растирая ледяные ладони. — Сяо Ань, идем. Завтра поговорим.

Чу Лиань, подумав, признал их правоту и нехотя кивнул. Бай Муюнь на мгновение задержал взгляд на руках Лу Яня, затем коротко скомандовал:

— Подойди.

Лу Янь не знал, чего ожидать, но тут же послушно подскочил поближе. Бай без лишних слов стянул с себя куртку и набросил её на его плечи, плотно запахнув края.

Стоявший рядом Чу Лиань тоскливо вздохнул: «Серьезно? Меня только что бросили, а теперь еще и этой сахарной патокой кормить будут?»

Бай Муюнь сделал вид, что не замечает ни сияющего лица Лу Яня, ни обвиняющего взгляда шиди.

— Всё, проваливайте. Оба.

Когда они наконец скрылись из виду (Лу Янь при этом умудрялся на ходу оглядываться и посылать воздушные поцелуи), Бай вернулся в дом. Стоило ему войти, как он наткнулся на Чу Цзяньцина. Тот подпирал стену и смотрел на друга с нескрываемой иронией.

— Доволен? — Бай Муюнь направился к лестнице.

— Муюнь, у тебя совесть есть? Куртку он только Лу Яню дал. Твой шиди там битый час на морозе просидел, хоть бы пожалел парня!

— У меня была только одна куртка.

— Мог бы вообще не давать, раз на двоих не хватает! А Чу Лиань еще на тебя как на бога смотрит: «Шиди, шиди»... Тьфу.

— Во-первых, — Бай остановился и повернулся к другу, пресекая его попытку возразить, — если бы я дал куртку Ань-Аню, кое-кто из нас точно бы лопнул от ревности. Не веришь — перечитай свою же фразу про «смотрит как на бога».

Чу Цзяньцин поперхнулся словами.

— А во-вторых, — добил Бай, — раз тебе его так жалко, сам бы вышел и укутал. Своих людей надо греть самим. Спокойной ночи.

Цзяньцин так и остался стоять у перил, провожая Бая яростным взглядом.

<http://bllate.org/book/18159/1756737>